

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (470.44–25).04+929Наумов

ВОЕВОДА АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ НАУМОВ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье впервые представлена подробная биография воеводы Саратова Андрея Федоровича Наумова, малоизвестного деятеля Смутного времени, который участвовал в боях под Смоленском и в обороне Москвы от поляков. Автор прослеживает дальнейшую судьбу этого человека, который в 1632 г. сменил в Саратове воеводу Степана Чемесова.

Ключевые слова: Смутное время, Смоленск, Саратов, воевода, Андрей Наумов.

Voivode Andrey Fyodorovich Naumov: Unknown Pages of the Biography

Ya. N. Rabinovich

The article introduces a novel detailed biography of Saratov voivode, Andrei Fyodorovich Naumov, a little-known figure of the Time of Troubles, who took part in combats at Smolensk and defended Moscow from the Poles. The author traces the further fate of this man, who replaced Saratov voivode Stepan Chemesov in 1632.

Key words: Time of Troubles, Smolensk, Saratov voivode, Andrei Naumov.

О саратовском воеводе Андрее Федоровиче Наумове известно немного. Те сведения, которые до последнего времени приводили о нем саратовские краеведы, во-первых, скудны, а во-вторых – не во всем соответствуют истинному положению дел.

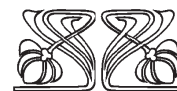
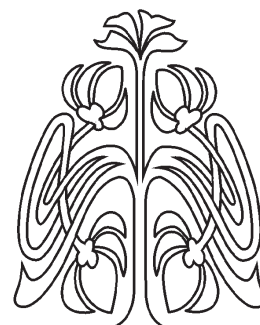
Ф. Ф. Чекалин (1892) первым сообщил о том, что Андрей Наумов был воеводой в Саратове после Степана Чемесова в 1632 г., а 1633 г. его снова сменил С. В. Чемесов¹.

Авторы Саратовской летописи Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский (1893) повторили информацию Ф. Ф. Чекалина о том, что Андрея Наумова в 1633 г. снова сменил Степан Чемесов. Кроме того, эти авторы дополнительно привели сведения о том, что при Степане Чемесове и Андрее Наумове Московскому Новоспасскому монастырю были пожалованы Иргизские воды (26 декабря 1631 г.) и Иргизские ловли (1632 г.)².

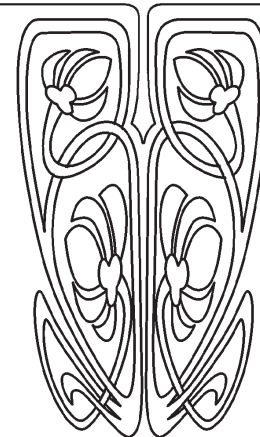
Не вполне уверенные, что Иргизские ловли были пожалованы именно в 1632 г. при Андрее Наумове, авторы на всякий случай сделали оговорку, что это произошло в царствование Михаила Федоровича. Оставим в стороне вопрос о том, чем отличаются Иргизские воды и Иргизские ловли, и почему такие важные сведения пришлось повторять в Саратовской летописи дважды.

А. П. Барсуков (1902) привел сведения о воеводских назначениях А. Ф. Наумова в Оскол (1619–1620 гг.), Суздаль (1627–1629 гг.) и Вязьму (1634–1637 гг.), однако о Саратове ничего не сообщал. В его списке воевод Саратова после С. В. Чемесова (1630 г.) сразу идет Г. И. Феофилагьев (1636–1637 гг.)³.

А. А. Гераклитов справедливо отмечал как неполноту списка Барсукова относительно воевод Саратова, так и неполноту биографических данных о каждом из воевод. Это признавал и сам Барсуков, который писал во введении к своему труду о воеводах XVII в.: «*Мои списки (воевод) послужат лишь основанием для дальнейших трудов. Во всяком случае, дополнение и исправление списков будет легче их первоначального составления*»⁴.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Особенность списка воевод Саратова А. А. Гераклитова (по словам самого автора) состоит в том, что в этом списке приведены абсолютно все имеющиеся в его распоряжении биографические сведения о каждом из воевод. Некоторые из этих сведений современному читателю могут показаться несущественными. Например, какое отношение к биографии воеводы Константина Шушерина имеют сведения о том, что второй воевода Казани Василий Волынский противился назначению К. Шушерина воеводой в Арск, а в Разряде разбиралось дело о злоупотреблении этого второго воеводы Казани Василия Волынского (возможно, между Шушериним и Волынским существовали натянутые отношения).

А. А. Гераклитов (1913) вслед за Ф. Ф. Чекалиным отметил пребывание Андрея Наумова в Саратове в 1632 г. При этом он сослался на своего предшественника: «Чек. 80. К.Р.П. 687». Действительно, в Книгах разрядных под этим годом в указанном столбце записан воевода Саратова А. Ф. Наумов. Гераклитов также повторил сведения, приведенные А. П. Барсуковым, о воеводских назначениях Наумова в Оскол, Суздаль и Вязьму (также сославшись на предшественника и верно указав источник – Акты Московского государства или АМГ)⁵.

У автора этих строк складывается впечатление, что данный сборник документов (АМГ) был проработан А. А. Гераклитовым не в полном объеме. В некоторых случаях этот исследователь пользовался только указателем, помещенным в конце книги, не читая документы, опубликованные в данном сборнике. Поэтому им были допущены ошибки в отношении воеводы Е. Ф. Мышецкого. В данном случае, что касается Андрея Наумова, то все страницы АМГ, приведенные Гераклитовым, соответствуют пребыванию нашего героя в Суздале в 1629 г., поэтому их можно принять. В АМГ в указателе составитель сборника Н. А. Попов привел следующие сведения: «*Наумов Андрей Федоров, дворянин, 145; воевода в городе Суздале, 247, 248, 255, 270, 271*»⁶.

Попутно отметим, что именно в данной книге (АМГ), на указанных А. А. Гераклитовым и Н. А. Поповым страницах, содержится весьма обширная информация о действиях воеводы Андрея Наумова в Суздале. Эти сведения, по моему мнению, вполне были бы уместны в списке Гераклитова (во всяком случае, важнее, чем сведения о конфликте воевод Шушерина и Волынского).

В заслугу Гераклитову можно поставить не только указание на источник информации о пребывании Андрея Наумова в Суздале, но и дополнительные важные сведения о том, что Наумов был дворянином и «местничался» с князем Василием Борятинским в 1623 г. Это всё. Других биографических сведений об Андрее Наумове у А. А. Гераклитова нет.

Современный саратовский краевед В. Н. Семенов повторил сказанное Гераклитовым, под-

черкнув, что Андрей Наумов в 1632 г. сменил «ненадолго» Степана Чемесова, который уже в следующем году вернулся в Саратов⁷.

Это вся информация, которой мы располагали к началу XXI в. об Андрее Наумове.

К этим сведениям можно добавить немного. В одном из местнических споров 1623 г. с И. В. Головиным Андрей Наумов сообщил, что его дед был сокольничим при дворе Ивана Грозного. Известен на Земском дворе при Иване Грозном Яков Гаврилович Наумов. Его биография хорошо прослеживается по Разрядам. Возможно, в местническом деле речь идет о Я. Г. Наумове, как о деде нашего героя⁸.

С другой стороны, в собрании Суздальского Покровского монастыря, хранящемся в Государственном архиве Владимирской области (далее – ГАВО) известна отпись 1545/46 г. сокольничего Ивана Федоровича Наумова в получении у некоего Григория Васильева сына двух оброчных соколов с раменья Высокого в волости Тальше Владимирского уезда⁹. Поэтому не исключено, что именно этот сокольничий, Иван Федорович Наумов, был дедом или, вернее, сородичем нашего героя (в документах порой дедами называли прадедов и двоюродных дедов).

Если трудно выяснить, кто был дедом Андрея Наумова, то также нелегко определить, какой из нескольких служивых людей, носящих имя «Федор Наумов», упомянутых в источниках, был отцом Андрея Федоровича Наумова. Варианты следующие (приведем сведения только за 1588/1589 г., где упомянуты дворяне по выбору): «*С Медыни. Федор Андреев сын Хрулев Наумов ... из Суздаля Федор Яковлев сын Наумов ... С Белой. Федор Суворов Наумов*»¹⁰.

Попутно отметим, что кто-то из дворян по выбору из Белой Суворовых Наумовых был предком Александра Васильевича Суворова.

Вернемся к местническому спору Андрея Наумова с Василием Борятинским в 1623 г. Тогда этот спор не был решен, поэтому можно искать предыдущие более ранние нерешенные «случаи» Наумовых с Борятинскими; эти Наумовы должны быть близкими родственниками Андрея Федоровича. Учитывая, что в 1591 г. Федор Яковлевич Наумов местничал с кн. Д. М. Борятинским (спор не решен), а в 1623 г. Андрей Федорович Наумов также местничал с кн. В. Р. Борятинским (спор также не решен), можно предположить, что этот Ф. Я. Наумов был отцом будущего воеводы Саратова.

Главное, что Андрея Наумова многое связывает с Суздалем, а не с Медынью или Белой. Именно в Суздале он получил часть поместья в вотчину, он был суздальским помещиком, как и Федор Яковлевич Наумов.

Следует учесть, что при Иване Грозном во времена опричнины и после нее структуры землевладения Суздальского уезда претерпели серьезную трансформацию (прежде всего в плане

раздачи дворцовых и бывших княжеских вотчин служилой мелкоте). Так что Наумовы могли попасть в Суздаль, скорее всего, лишь во второй половине XVI в.

Но самое интересное заключается в том, что в начале Смутного времени, в 1604 г., когда царь Борис Годунов собирал войска для борьбы с Лжедмитрием I, упомянуты два Андрея Федоровича Наумова, причем оба – жильцы: *«Жильцы ж с отцовских поместей, а иные беспоместные и поместными оклады не верстаны... Андрей Федоров сын Наумов»*. С него сборщик Иван Заболоцкий должен был собрать в полк боярина Д. И. Шуйского 5 конных воинов.

В этом же документе указан жилец при дворе *«государя царевича князя Федора Борисовича всея Руси... Ондрей Федоров сын Гаврилов Наумов»*. С него сборщик Игнатий Тютчев должен был собрать в полк боярина М. Г. Салтыкова тоже 5 конных воинов¹¹.

Если предположить, что дьяки, чтобы различать двух жильцов Андреев Наумовых, указали имя прадеда Гаврилы, то выстраивается следующая цепочка генеалогического древа нашего героя: Андрей – Федор – Яков – Гаврила. Допустима и такая схема: Андрей – Федор – Гаврила – Иван – Федор. Впрочем, не исключены и иные варианты.

Это первые сведения об Андрее Федоровиче Наумове. Таким образом, выясняется, что он служил жильцом при дворе Федора Борисовича Годунова или при дворе Бориса Годунова.

Еще одно предположение, на этот раз последнее. Полный тезка будущего воеводы Саратова умер во времена Смуты. О нем упоминается в боярском списке 1606/1607 г. как о служилом человеке из Медыни с окладом **500 чети** (выделено мной. – Я. Р.)¹². Заманчиво связать его с известным деятелем Смуты Иваном Федоровичем Хрулевым-Наумовым, который был тоже из Медыни (возможно – родной брат). Этого медынского Андрея Наумова больше не будем брать в расчет. Поэтому будем считать, что все обнаруженные сведения об Андрее Федоровиче Наумове за период 1610–1630-е гг. относятся именно к нашему «суздальскому» герою, воеводе Саратова, а не к его полному «медынскому» тезке.

Андрей Наумов не указан в боярском списке 119 г., который был составлен в Подмосковном ополчении. Но тогда же существовал жилецкий список, в котором был записан Андрей Наумов с окладом в 450 чети (этот оклад меньше, чем у его полного «медынского» тезки, что еще раз подтверждает, что наш Андрей Наумов не имеет ничего общего с медынским Наумовым). После освобождения Москвы от поляков новое правительство Михаила Романова, чтобы платить жалование служилым людям-четвертчикам, в связи с утратой многих документов, вынуждено было прибегать к сыску прежних денежных окладов. В ходе этого сыска *«выписаны жильцы из жилец-*

*кого списка 119 году: по 450 чети, деньги из чети 12 рублей: Ондрей Федоров сын Наумов»*¹³.

Благодаря такому сыску мы узнаем, что Андрей Наумов был одним из четвертчиков, то есть получал ранее жалование из Владимирской четверти (это один из финансовых органов) в размере 12 рублей, потом после получения «придачи» его оклад стал составлять уже 19 рублей.

Зная, в какой из четвертей получал жалование Андрей Наумов, можно по Кормленным книгам данной четверти определить, как изменялся его денежный оклад, за какие заслуги и когда он получал придачу к окладу. Эти Кормленные книги, а также приходно-расходные книги Казенного приказа и Разряда, опубликованные еще до революции (но неизвестные А. А. Гераклитову и другим саратовским краеведам), позволяют выяснить отдельные страницы биографии Андрея Наумова. Дополнительным источником информации может служить опубликованная в 1995 г. Книга сеунчей.

Из этих источников мы узнаем, что Андрей Наумов участвовал в походе к Белой и Смоленску воеводы Дмитрия Мамстрюковича Черкасского летом – осенью 1613 г.

Накануне этого похода Андрей Наумов написал челобитную об управе на крестьян Федора Скрябина *«Оську Тимофеева с товарищи»*. Судя по этой челобитной, Андрей Наумов уже владел землями в Суздальском уезде в Матницком стане. Правда, бывшие крестьяне этого Федора Скрябина не хотели подчиняться новому хозяину. Пришлось дьякам в Москве 25 июня 1613 г. написать специальную грамоту начальным людям в Шую, чтобы смирить этих крестьян. Андрей Наумов заплатил за эту грамоту полполтины пошрины, зато теперь был уверен, что пока он будет воевать на западе, в его вотчине все будет нормально¹⁴.

За взятие Белой и бои под Смоленском Андрей Наумов был щедро награжден в Москве. Это произошло 10 декабря 1613 г. Воевода кн. Д. М. Черкасский отправил Андрея Наумова, как одного из отличившихся воинов, в Москву с вестью о победе (сеунч). В Книге сеунчей записано: *«122-го декабря в 10 день Ондрею Наумову дано государева жалованья у казны за сеунч, что побили в Смоленском уезде в селе Могутове литовских людей, сорок куниц, цена десять рублей, камки девять аришин цена шесть рублей двадцать пять алтын, чарка – полтора рубли»*¹⁵. В Приходно-расходных книгах уточняется, что 10 декабря 1613 г. *«по памяти за приписью думново диака Сыдавново Васильева, дано государева жалованья Ондрею Наумову за чарку серебрени денгами полтора рубли. Дано за сеунч, что приехал из-под Смоленска»*¹⁶.

Приведем еще одно уточнение, связанное с этим награждением: *«По государеву указу и по приказу казначея Никифора Васильевича Траханиотова, по памяти за приписью думново дьяка Сылавново Васильева, дано государева жалованья за сеунч Ондрею Федорову сыну Наумову 40 куниц,*

цена 10 р., что взяты из казанского дворца во 122 году, да девяти ари. камки адамашки червчатой, цена по 20 по 5 ал. ари., и того 6 р. 25 ал., из приносных камок, да за чарку серебряную рубль 16 ал., 4 д.»¹⁷.

Это было хоть и щедрое, но разовое награждение. Вскоре, в конце декабря 1613 г., Андрей Наумов получил за эти же бои под Белой и Смоленском придачу к денежному окладу (эти деньги выдавались ежегодно четвертикам). В Кормленной книге Владимирской четверти за 1614/1615 г. отмечена эта придача: «*Ондрей Федоров сын Наумов. 122-го декабря в 31 день (31.12.1613 г. – Я. Р.) по памяти за приписью дьяка Марка Поздеева Ондрею старый оклад 19 рублей, да по государеву указу прибавлено за Бельскую и Смоленскую службу 11 рублей*¹⁸. Теперь его оклад стал 30 рублей. Так высоко правительство оценило подвиги нашего героя. Он теперь стал московским дворянином. Всю первую половину 1614 г. Андрей Наумов отдыхал; возможно, он был ранен, отправлен в отпуск, решал семейные дела. Он отсутствовал в войске Д. М. Черкасского в августе 1614 г., когда воеводы под Смоленском проводили смотр войску.

В приходно-расходной книге Разряда за 1614/1615 г. имеется интересная запись, относящаяся к нашему герою: «*Дворяне московские. Ондрей Федоров сын Наумов. Пошел из Москвы с князем Дмитрием в 121 году и жил по декабрь, в декабре прислан с сеунчом и с тех мест по последний смотр августа в 17 день писан в отпусках. Денежный ему оклад учинен ныне за Смоленскую службу и с старым 30 р. Государева ему жалования большая статья 25 р. Дано. Порука по нем в службе и в деньгах диак Прокофей Пахирев. Прокофей деньги взял и руку приложил*¹⁹. Опубликованные недавно благодаря неумолимой деятельности работников РГАДА, прежде всего А. С. Антонова, «Записные вотчинные книги Поместного приказа» позволяют определить связь Андрея Наумова с этим поручителем. Оказывается, Прокофий Пахирев был женат на сестре Андрея Наумова.

В 124 г. (1615/1616 г.) Андрей Наумов вписан в боярскую книгу вместе с другими московскими дворянами (поместный его оклад не указан)²⁰. В 1618 г. он отличился при обороне Москвы от войск королевича Владислава. Это отмечено в самом Осадном списке и приложениях к нему. После прекращения осады столицы Андрей Наумов сопровождал боярина Ф. И. Шереметева к Троице-Сергиеву монастырю, где велись мирные переговоры, охранял русских послов в Деулино: «*Дворяне ж были на Москве в осаде и с Москвы посланы были с послы з боярином з Федором Шереметевым и были у Троицы... Андрей Федоров сын Наумов*». За это он получил часть своего поместья в Суздальском уезде в Матницком стане в вотчину. Ранее, еще при Василии Шуйском, Андрей Наумов получил часть этого поместья в

вотчину за оборону столицы от тушинцев²¹. Это интересное дополнение. В отличие от известного тушинского боярина Ивана Федоровича Хрулева-Наумова Андрей Наумов оставался верен царю Василию Шуйскому в 1608–1610 гг.

В начале 1619 г. после завершения переговоров в Деулино и возвращения боярина Федора Шереметева в Москву, Андрей Наумов был отправлен воеводой в южный город Оскол. Этот город относился к группе Польских городов (расположенных в степи, в поле). К Польше это слово не имеет никакого отношения. В Книгах разрядных записано под 7127 г. (1618/1619 г.): «*В Польских городах. На Осколе воевода Степан Матвеев сын Проестов, и Степану велено быть в Москве, а на Осколе велено быть воеводе Ондрею Федорову сыну Наумову, а с ним: детей боярских Осколян 178 ч., атаманов 19 ч., ездаков 94 ч., вожей 31 ч., стрельцов 70 ч., казаков 138 ч., ямщиков 15 ч., воротников 8 ч.*». Андрей Наумов оставался в Осколе воеводой в 1620 г., а в начале – середине 1621 г. его сменил в Осколе новый воевода Никита Воробин, о чем записано под 1620/1621 г. в Разрядах: «*В Польских городах. На Осколе воевода Ондрей Федоров сын Наумов и Ондрею велено быть в Москве, а на его место велено быть на Осколе Миките Дмитриеву Воробину*»²².

В марте 1623 г. Андрей Наумов, назначенный первым воеводой передового полка Рязанского разряда в Михайлов, безуспешно пытался спорить с первым воеводой Большого полка в Переяславле-Рязанском И. В. Головиным, но проиграл это дело. В Дворцовых разрядах записано: «*И, по государеву указу, бояре Андрея за то Наумова лаяли, и сказали, что бьешь челом на Головина безмерством, перед Иваном он Андрей молодой человек, и впредь бы о том не бил челом государю. И Андрей Наумов после того государю не бил челом, а на службе был по росписи*»²³.

В «Наказе воеводам» было предусмотрено, что если татары придут не на Рязань, а на Тулу, то Андрею Наумову предписывалось «быть в сходе» (идти) из Михайлова в передовой полк к воеводе князю Василию Борятинскому. Андрей Наумов отказывался подчиняться Василию Борятинскому, «бил челом, что ему в сход итти ко князю Василью Борятинскому не мочно по многим случаям». По царскому указу предписано быть в этом походе Андрею Наумову «в сходе со князем Васильем без мест», а спор решить после завершения службы. Этот суд был уже в следующем году. В Разрядах сказано, что суд был дан во 132 году (1623/1624 г.), судил боярин И. Н. Одоевский и разрядный дьяк Михаил Данилов. Решение так и не было принято: «*И суд был Августа в 17 день, да не вершен*»²⁴.

В 1625–1627 гг. Андрей Наумов иногда упоминается в Разрядах; он участвует в придворных церемониях, выполняет обычные дворцовые обязанности. 17 мая 1625 г. состоялась прощальная аудиенция персидских послов («грузинец Русам-

Бек с товарищи»), которые в феврале 1625 г. прибыли в Москву со священной реликвией, Ризой Христовой и другими подарками от шаха Аббаса. В тот же день, 17 мая, персидские послы были по указу царя Михаила и патриарха Филарета на торжественном обеде «у стола в большой в грановитой палате». В «кривой стол», где сидел персидский посол, пить носили «дворяне ... Андрей Федоров Наумов»²⁵.

В 1627 г. Андрей Наумов был назначен воеводой в Суздаль, где он сменил Никифора Колычева. Обычно смена воевод в городах осуществлялась в начале года, в сентябре (в данном случае – в сентябре 1626 г.). Фактически смена воевод произошла значительно позже – лишь в конце 7135 г. (1626/1627), точнее – в начале июля 1627 г. Источники свидетельствуют, что с января по июнь 1627 г. Андрей Наумов оставался в Москве.

6 января 1627 г. на праздник Богоявления он был приглашен к государеву столу. Здесь же мы видим бывшего воеводу Саратова кн. Ф. Т. Черново-Оболенского и будущего воеводу – кн. И. Ф. Шаховского²⁶.

16 мая 1627 г. Андрей Наумов по государеву указу был послан в Казанский приказ, откуда планировалось отправить его для выполнения какого-то государева дела. В подлиннике документа наверху записано: «И Ондрей не послан». По-видимому, изменение решения было связано с тем, что Андрею Наумову предстояло назначение воеводой в Суздаль. Он был отпущен в Суздаль 30 июня 1627 г. Ему был дан наказ и грамота за подписью дьяка Михаила Данилова. Уже 4 августа 1627 г., ознакомившись с состоянием дел в Суздале, Андрей Наумов прислал в Москву подробную роспись вооружения, припасов, документов и личного состава Суздаля²⁷.

В Книгах разрядных под 7135 г. записано: «В Суздале Микифор Олферьев сын Колычов да подъячей Яков Никонов; и Микифор и подъячей Яков отпущены к Москве, а в Суздале велено быть Ондрею Федорову сыну Наумову, а с ним детей боярских отставных и которые служат городовую службу – 5 ч., детей боярских Новгородцев на корму – 3 ч., черкас кормовых 12 ч., архиепископа Суздальского детей боярских 38 ч., Покровского монастыря слуг 21 ч., да служебников 10 ч., крестьян оброчные слободки 32 ч., Васильевского монастыря крестьян 3 ч., Александровского монастыря крестьян 7 ч., посадских людей 258 ч., да городских жильцов и дворников 30 ч., и всего в Суздале всяких людей 419 ч.»²⁸.

В Суздале Андрей Наумов продолжал оставаться воеводой в 1628, 1629 и даже в 1630 гг.²⁹ Все-таки родной город. Возможно, в Москве пошли навстречу пожеланиям Андрея Наумова. В других подмосковных городах воеводы менялись чаще. Сведения А. А. Гераклитова о том, что Андрей Наумов был воеводой в Суздале в 1627–1629 гг., нуждаются в небольшой корректировке. В начале 7139 г. (в сентябре 1630 г.)

в Суздаль был назначен новый воевода Федор Иванович Ловчиков³⁰.

Интересно сравнить состав гарнизона Суздаля в 1630 г. с приведенными ранее сведениями за 1627 г. Запись в Книгах разрядных за 1630 г. следующая: «В Суздале Ондрей Федоров сын Наумов, а с ним детей боярских отставных и которые служат городовую службу 16 ч., Литвы кормовые 7 ч., Черкас кормовых 12 ч., архиепископа Суздальского детей боярских 38 ч., Покровского монастыря служек 28 ч., служебников 10 ч., крестьян оброчные слободы 32 ч., Васильевского монастыря крестьян 3 ч., Александровского монастыря крестьян 7 ч., посадских людей 58 ч., городских жильцов и дворников 30 ч. и всего в Суздале всяких людей 241 ч.»³¹.

Видим, что самые крупные изменения произошли среди посадского населения, 200 посадских людей теперь не учитываются в составе гарнизона. Некоторые изменения в составе гарнизона Суздаля наблюдались и в записях за предыдущие годы воеводства Андрея Наумова. Однако подробное изучение внутренней жизни в Суздале выходит за рамки настоящего исследования (опубликованных источников об этом сохранилось немало).

Можно лишь сказать, что в 1627/1628 г. А. Ф. Наумов вместе с подъячим Михаилом Максимовым составляли описные книги Суздальского Покровского монастыря. В отличие от большинства других описных книг Покровского монастыря, традиционно составлявшихся суздальскими воеводами, об описных книгах А. Ф. Наумова и М. Максимова сохранилось лишь глухое упоминание в служебных документах середины XVII в. монастырского архива³².

В середине следующего 7140 г. (1631/1632) Андрей Наумов был назначен воеводой в Саратов вместо Степана Чемесова. Известная грамота из Москвы от 26 декабря 1631 г. (о пожаловании Новоспасскому монастырю) адресована еще Степану Чемесову³³. Зимний санный путь из Москвы в Саратов в те годы использовался очень редко, только гонцами. Воеводы обычно добирались по Волге. Скорее всего, Андрей Наумов приплыл в Саратов первым весенним караваном в мае 1632 г. Он указан в Книгах разрядных за 1631/1632 г. воеводой в Саратове³⁴. В другой Разрядной книге за этот же 1631/1632 г. уточняется, что «на Саратов на Степаново место Чемесова Ондрей Федоров Наумов»³⁵. Уже к началу лета 1632 г. в Саратове произошла смена воевод.

Андрей Наумов оставался в Саратове и в следующем 1633 г. В одной из разрядных записей после указания на воеводство в Саратове в 1631/1632 г. Андрея Федоровича Наумова следует запись за следующий 7141 г. (1632/1633) такого содержания: «А в Казани и в Чебоксарех и на Самаре и на Саратове воеводы прежние»³⁶. Учитывая, что в 1633 г. Степан Васильевич Чемесов находился в Москве, он никак не мог сменить в Саратове Андрея Наумова. Поэтому мы не можем принять

мнение А. А. Гераклитова о вторичном воеводском назначении Степана Чемесова в Саратов в 1633 г. на смену Андрею Наумову, а также мнение В. Н. Семенова, что Андрей Наумов в 1632 г. сменил «ненадолго» Степана Чемесова, который уже в следующем 1633 г. вернулся в Саратов. В действительности Андрей Наумов оставался в Саратове значительное время, с 1632 г. вплоть до начала 1634 г., пока его не сменил новый воевода Г. И. Феофилачев.

К сожалению, к настоящему времени не обнаружено ни одного документа за 1633 г., адресованного воеводе Саратову Андрею Федоровичу Наумову (и, вообще, какому-либо воеводе Саратова), аналогичного царской грамоте от 26 декабря 1631 г., отправленной Степану Чемесову.

Таким образом, все время Смоленской войны (1632–1634 гг.) Андрей Наумов находился далеко от театра военных действий, на Волге, и не принимал участия в боевых действиях против Польши.

Уже после окончания Смоленской войны Андрею Наумову удалось познакомиться с некоторыми ее участниками. В июле 1634 г. он был назначен для сопровождения «немецких полковников» из Москвы до Новгорода в качестве одного из 6 приставов³⁷. Эти полковники остались верны Михаилу Романову, они не перешли к полякам после капитуляции армии боярина М. Б. Шеина. Теперь, получив расчет, они отправлялись на родину. Интересно, что одним из таких приставов был прежний воевода Саратова Степан Чемесов. По пути этих полковников и их приставов встретил Адам Олеарий, который направлялся в Москву в составе голштинского посольства. Вернулся Андрей Наумов в Москву уже осенью 1634 г. Теперь его ждало новое назначение воеводой в Вязьму. Последний этап его службы относится к этому воеводству в Вязьме.

Известно, что в Вязьме в 1633–1634 гг. находились воеводы Мирон Вельяминов, Федор Чемоданов (бывший воевода Саратова) и дьяк Петр Копнин. К моменту приезда Андрея Наумова в Вязьму Чемоданов и Копнин уже умерли на воеводском посту в Вязьме в период борьбы за Смоленск армии Шеина и осады Вязьмы поляками. Мирону Вельяминову в последние месяцы Смоленской войны помогал в Вязьме дьяк Филипп Ларионов, а второго воеводы в этом городе не было. Поэтому и назначен был в Вязьму изначально вместо Мирона Вельяминова только один воевода князь Петр Пронский и дьяк Андрей Иевлев.

Новые воеводы Вязьмы принимали дела у Мирона Вельяминова уже после окончания переговоров на речке Поляновка возле Вязьмы и заключения Поляновского мира с Польшей. В Записных книгах сказано, что *«августа в 6 день, по государеву указу велено быть в Вязме князю Петру княж Иванову сыну Пронскому»*. Про второго воеводу Вязьмы (Андрея Наумова) здесь ничего не сказано. В это время Андрей Наумов

еще не приехал из своей «командировки» на север, он находился в районе Вышнего Волочка, по пути в Новгород, и именно в эти дни августа 1634 г. встретился там с Адамом Олеарием. Князь Петр Пронский приехал в Вязьму уже в августе 1634 г., а Андрей Наумов – в лучшем случае – лишь осенью 1634 г. Ему надо было проводить полковников до шведской границы в районе Нарвы и вернуться в Москву.

Точную дату начала Вяземской службы Андрея Наумова установить сложно из-за отсутствия источников. В Дворцовых разрядах записано под 1634/1635 г.: *«В Вязме воеводы князь Петр Иванович Пронской да Андрей Федоров сын Наумов да дьяк Андрей Иевлев»*. Эти же воеводы Вязьмы указаны в 1635/1636 г.³⁸ Андрей Наумов мог приехать в Вязьму и в начале 1635 г. Также неизвестно, когда именно Андрей Наумов завершил службу в Вязьме. По крайней мере, уже весной 1637 г. мы видим его не в Вязьме, а в Москве.

Сведения А. П. Барсукова и А. А. Гераклитова о том, что Андрей Наумов был воеводой в Вязьме в 1634–1637 гг. следует принимать с осторожностью. В Записных книгах 1636/1637 г. говорится, что воеводами в Вязьме в это время были П. И. Пронский, А. Ф. Наумов и дьяк Исаак Кудрин. Однако в Дворцовых разрядах за 1636/1637 г. указаны уже другие воеводы – кн. Г. С. Куракин и Д. А. Замыцкий³⁹. Следовательно, смена воевод произошла в 1636/1637 г.

В мае 1637 г. Андрей Наумов находился в Москве. В это время царь уехал из Москвы более чем на неделю (с 23 по 31 мая) в село Покровское. 24 мая 1637 г. на Государевом дворе «дневал и ночевал» с боярином А. В. Хилковым среди прочих дворян А. Ф. Наумов⁴⁰.

Некоторые источники позволяют еще больше сократить срок службы Андрея Наумова в Вязьме, по крайней мере, до апреля 1637 г. К этому времени умер свояк Андрея Наумова дьяк Прокофий Филиппов Пахирев. В свое время П. Ф. Пахирев заложил свою вотчину пустошь (сельцо) Кузовлево в Угожском стане Звенигородского уезда Андрею Наумову. Сестра Андрея Наумова Прасковья после смерти своего мужа, по-видимому, прожила недолго. Вернувшись после службы в Вязьме и узнав о смерти вдовы, Андрей Наумов написал челобитную о записи за ним этой закладной вотчины Прокофия Пахирева в связи со смертью заимщика и его вдовы Прасковьи. В Поместный приказ поступила память о записи по духовной вдовы за Андреем Наумовым по просроченной закладной кабале и духовной этой вотчины дьяка П. Ф. Пахирева. Андрей Наумов предъявил также эту закладную кабалу. Кроме того, он также написал челобитную о выдаче ему грамоты на вотчину сестры (вдовы Пелагеи Пахиревой). Около 7 мая 1637 г. уже была составлена послушная грамота Андрею Наумову на эту закладную вотчину в Звенигородском уезде⁴¹. Трудно сказать, сколько времени длилась эта бумажная работа, но ясно,

что не один день, и не только в начале мая 1637 г., а несколько ранее этого времени. К тому же, вряд ли Андрей Наумов занимался всеми этими бумажными делами, будучи воеводой в Вязьме.

К слову сказать, свояченицей Пелагею Пахиреву считали еще двое служилых людей – Федор Пестриков и Матвей Чихачев, которые также фигурировали в этом деле. Поэтому, хотя мы пока не имеем сведений о семейном положении (кроме имени жены, которую звали Авдотья) и о детях самого Андрея Наумова, но знаем, что у него было три родных сестры, вышедшие в свое время замуж за П. Пахирева, Ф. Пестрикова и М. Чихачева.

Сведений о том, чем занимался Андрей Наумов после возвращения из Вязьмы, пока не обнаружено. Возможно, он вскоре умер. Во всяком случае, его имя отсутствует в боярской книге 1639 г. Один интересный источник косвенно подтверждает это. Речь идет о росписи хлебам, которые были поднесены в Москве в 7148 г. (1639/1640) от Суздальского Покровского женского монастыря. Монастырские старицы делали такие подношения членам царской семьи, боярам, другим членам Государева двора, богатым вкладчикам данного монастыря обычно во время крупных церковных праздников. В этом списке из 191 имени (177 мужчин и 14 женщины) среди 25 дворян фигурирует один представитель рода Наумовых, дворянин Василий Петрович Наумов. Из женщин, кроме царицы и трех царевен, указаны всего десять имен, из них три старицы, три игуменьи, три княгини, а в конце этого списка указано: «*Ондрееве жене Федоровича Наумова Авдотье хлеб*». Авдотья Наумова (слово «старлица» здесь не указано) после смерти мужа сделала богатые дары в этот монастырь, поэтому была выделена среди прочих женщин⁴².

Это все сведения, которые мы имеем к настоящему времени о воеводе Саратова Андрее Федоровиче Наумове.

Примечания

- ¹ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892. С. 80.
- ² Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край : исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 25.
- ³ Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 202, 520.
- ⁴ Там же. С. IX.
- ⁵ Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 61–62, 65.
- ⁶ Акты Московского государства, изданные Академией наук (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова : в 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634). С. 701.
- ⁷ Семенов В. Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 34.
- ⁸ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды) : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 547 ; Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 155.
- ⁹ ГАВО. Ф. 575. Оп. 2. Д. 3. Документ указан автору М. И. Давыдовым.
- ¹⁰ Боярский список 1588–1589 годов // Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 221, 243, 247.
- ¹¹ Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 году // Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора... С. 375, 390, 402.
- ¹² Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века (1601–1608) : сб. документов / отв. ред. Н. М. Рогожин ; Ин-т российской истории. М., 2003. № 39. С. 154.
- ¹³ Разрядные столбцы 122–124 гг. сыска денежных окладов: Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / сост. и пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 193.
- ¹⁴ Документы Печатного приказа 1613–1615 гг. РАН. Отд. истории. Архив РАН. М., 1994. С. 192.
- ¹⁵ Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1 : Книга сеунчей и документы Разрядного приказа о походе Лисовского. М. ; Варшава, 1995. С. 21.
- ¹⁶ Приходно-расходные книги Казенного приказа : Расходная книга денежной казне 1613–1614 гг. // РИБ : в 39 т. Т. 9. СПб., 1884. С. 67.
- ¹⁷ Приходно-расходные книги Казенного приказа : Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг. // РИБ. Т. 9. С. 198.
- ¹⁸ Кормленная книга Владимирской четверти 7123 г. : Четвертки Смутного времени // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 42.
- ¹⁹ Приходно-расходная книга Разряда 7123 года : Приходно-расходные книги московских приказов. Книга первая // РИБ. М., 1912. Т. 28. С. 401.
- ²⁰ Книга, а в ней писаны бояре и окольничие и думные люди с денежными оклады, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и диаки, и жильцы и из городов дворяне с поместными и с денеж... 124 году // АМГ. СПб., 1890. Т. 1, № 108. С. 145.
- ²¹ Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Т. VIII / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава, 2009. С. 38–39, 163.
- ²² Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – Книги разрядные) : в 2 т. СПб., 1853. Т. 1 (1614–1627). Стб. 659–660, 720, 761 ; Разрядная книга 1550–1636 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов. М., 1975. Т. 2, вып. 2. С. 319.
- ²³ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 547.
- ²⁴ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 550, 625–626 ; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архи-

ве Министерства юстиции. М., 1899. Кн. 11. С. 11 ; Эскин Ю. М. Местничество в России... С. 155 ; Разрядная книга 1550–1636. Т. 2, вып. 2. С. 334–335.

25 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 687–688, 694.

26 Записная книга Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ. Т. 9. С. 445.

27 Там же. С. 492, 500, 510.

28 Книги разрядные. Т. 1. Стб. 1330.

29 Книги разрядные. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 61–62 (1627/1628 г.); Стб. 166 (1628/1629 г.) ; Стб 265 (1629/1630 г.).

30 Там же. Стб. 333.

31 Там же . Стб. 265.

32 ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 175. Л. 38 об. Документ указан автору М. И. Давыдовым.

33 Грамота из приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе Степану Васильевичу Чемесову о пожаловании Новоспасского монастыря архимандриту Иосифу с братьями рыбных ловель на оброк в саратовских

иргизских водах. Москва. 1631 г., декабря 26 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. С. 439–441.

34 Книги разрядные Т. 2. Стб. 687.

35 Разрядная книга 1550–1636. Т. 2, вып. 2. С. 371.

36 Там же. С. 375.

37 Записная книга Московского стола 7142 года // РИБ. Т. 9. С. 561.

38 Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 478, 518.

39 Записная книга Московского стола 7145 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 4 ; Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 548.

40 Записная книга Московского стола 7145 года // РИБ. Т. 10. С. 92.

41 Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / авт. и сост. А. В. Антонов и др. М., 2010. С. 444–445.

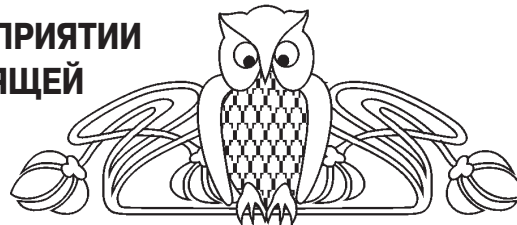
42 Роспись хлебам, поднесенным в Москве от Суздальского Покровского монастыря в в 1640 году // РИБ. Т. 35 : Архив П. М. Строева. Т. 2. Пг., 1917. № 491. С. 1018.

УДК 9(470) «18»

«ПАРТИЯ ДЕЙСТВИЯ»: К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ВОЙНЫ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТОЙ РОССИИ (70-е годы XIX века)

С. А. Кочуков

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

В статье рассматриваются взгляды представителей правящей элиты России в отношении кризиса на Балканском полуострове в 70-х гг. XIX в. Анализируются внешнеполитические планы и идеи накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., показано воздействие критических общественных настроений на их последующую эволюцию.

Ключевые слова: Балканский полуостров, правящая элита России, Действующая армия, Русско-турецкая война.

«Action Party»: Perception of the War against the Ottoman Empire by the Russian Ruling Elite (the 1870s)

S. A. Kochukov

The article discusses the views of the Russia's ruling elite representatives on the Balkans' crisis in the 70s of the 19th century. Foreign policy plans and ideas on the eve of the Russian-Turkish war of 1877–1878 are analyzed. The impact of critical public sentiment on their subsequent evolution is shown.

Key word: Balkan Peninsula, Russia's ruling elite, active army, Russian-Turkish war.

Высший бюрократический аппарат России по отношению к возможному в будущем вооруженному столкновению с Турцией в 70-х гг. XIX в. не был един. По этому поводу в историографии сложились понятия «партия действия» и «партия сосредоточения сил». В 70-х гг. XIX в. в правящих кругах определилась «партия сосредото-

чения сил»¹. Она была очень представительна: А. М. Горчаков, Д. А. Милютин, М. Х. Рейтерн, А. Е. Тимашев, П. А. Валуев и др. Понятие «партия действия» в исследуемую тему ввела историк Л. Г. Захарова². К «партии действия» можно отнести Н. П. Игнатьева, П. Н. Стремоухова, К. П. Победоносцева, вел. кн. Александра Александровича и др.

Нетрудно заметить, что в «партию сосредоточения сил» входили главы министерств: иностранных дел, военного, финансов, государственных имуществ, внутренних дел, государственный контролер. Именно они пользовались правом определять в известной степени политику государства. Но «воинственная» «партия действия» находила серьезнейшую поддержку со стороны Славянского комитета и русского общества. Начавшийся в 70-х гг. XIX в. очередной балканский кризис всколыхнул все российское общество, которое фактически являлось локомотивом в решении этого серьезнейшего внешнеполитического вопроса. Все слои русского общества включились в процесс поддержки национально-освободительного движения на Балканах.

Но «партия действия» не была лишена своего взгляда на балканский вопрос и не являлась лишь неким продуктом пропаганды Славянских комитетов. Конечно, Игнатьев, Победоносцев, Стремоухов и др. были на тот момент на «вторых